

Игорь
Литвиненко

**Ритуальные
принадлежности**

V

повесть
рассказы
киносценарий
фрагменты сюжета

Игорь Литвиненко

Ритуальные принадлежности

«У Никитских ворот»

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Литвиненко И. Г.

Ритуальные принадлежности / И. Г. Литвиненко — «У
Никитских ворот»,

В этой книге собраны тексты, написанные давно, в прошлом веке. Повесть и рассказы пролежали в столе больше сорока лет, «Фрагменты сюжета» – больше двадцати. Наверное, все это может представлять интерес для тех, у кого основная часть сознательной жизни пришлась на девяностые, восьмидесятые, семидесятые. Родившимся на рубеже веков будет многое странно – непонятные события, нескладные персонажи, подробности ушедшей, чужой для них жизни. Но если эти «вчерашние» тексты отзовутся сегодня в чьей-то памяти, в чьих-то умах и сердцах...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Литвиненко И. Г.
© У Никитских ворот

Содержание

Ритуальные принадлежности	6
Дурацкий стакан	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игорь Литвиненко
Ритуальные принадлежности.
Повесть, рассказы, киносценарий,
фрагменты сюжета

© Литвиненко И.Г., 2019

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

Ритуальные принадлежности

Повесть

1.

Старуха почти не плакала. Только в день похорон, уже на кладбище, когда прибили гвоздями крышку гроба и стали медленно опускать его на веревках в могилу, по лицу старой женщины скатились две светлые капли.

Свои последние слезы старуха берегла, в жизни ей пришлось их немало истратить. На равнодушного, мрачного и вечно пьяного мужа, и на злую свекровь, и на сыновей. Четверо их один за другим ушли в ту войну, а вернулся один только младший. И чужое, соседское лихо, которого много было в те годы, она не скупилась оплакивать, свою скорбную долю в большом, общем горе всегда соблюдала честно.

Вот и кончались они теперь, старухины слезы. Скудный их остаток расточился в те вечера, когда старуха усаживалась на резную табуретку возле постели парализованной подруги Варвары Дудиной. Табуретка эта была специально заказана соседу, безногому инвалиду плотнику, и тот, заранее зная о деликатном назначении предмета, сделал вещь аккуратную, даже изящную, с круглым углубленным сиденьем, с витую резьбой на растопыренных ножках. Уж старуха не знала как благодарить понимающего человека, как ответить добром на добро. Разве опять слезой? Она и правда всплакнула тогда в знак доброй признательности, осторожно пронесла табуретку через двор, вошла в хату.

– Дывысь, Варю, яку гарну Пэтро зробыв тоби табурэточку. Ото ж ты будэш на еи дывытсь, поky я прыйду и сяду отут-о. – Старуха беззвучно поставила табуретку на пол, в луч света, к изголовью своей молчаливой подруги. – Вона будэ отут, пидля тэбэ... Я пиду с хаты, а ты дывысь на еи та думай, шо я скоро прыйду. И лэжи соби, лэжи, нэ журыся...

Кроме Варвары да самой старухи во всей деревне не осталось уже почти никого из прежних переселенцев хохлов, разъехались или поумирали. Среди русских односельчан за долгие годы она понемногу запомнила округлую полтавскую речь, а теперь старательно вспоминала ее – для Варвары, чтобы родственным словом утешить ее перед смертью.

Варвара Дудина, бездетная вдова-неудачница, никем родственно старухе не доводилась. Горькое бабье одиночество ненадолго сблизило их под конец жизни. Последний старухин сын – инженер Федор Зозуля – жил теперь со своей семьей в далеком сибирском городе, письмами привечал неохотно, а уж навещался когда в последний раз, она и забыла. Видно, не каждой матери бывает удача греть свою старость в тепле и заботе самых дорогих людей... А Варвару Дудину судьба с молодых лет повадилась обижать – не одно, так другое. Она привыкла, и даже не обиделась на судьбу, получив от нее последний злой гостинец: случайная молния спалила дотла старую хатку со всем небогатым добром. В тот же день Варвара перегнала к соседке спасенное хозяйство: двенадцать куриц, тощего поросенка, кошку и козу.

За что губила судьба эту тихую бабу? За что ей короткое бездетное замужество, вдовья кручина, этот глупый пожар, этот злой паралич, этот гроб? Старуха горько качала головой – обижалась на ошибку небесного распорядителя, в которого, хоть и без иконы в красном углу, верила. Она сидела на резной табуретке – одна, в пустом теперь доме. И не знала, что делать...

Была уже осень. Под окном в палисаднике густо цвели георгины, астры и флоксы. Невысокое холодное солнце светило без пользы на сухую ботву картофельного огорода, уже перекопанного перед зимой. Два грушевых дерева и смородиновые кусты приготовились к снегу,

разделись и замерли. Дремучий тополь тихо поеживался по утрам в тонких струях осеннего холода, сыпал желтые листья на тесовую почерневшую крышу старухиной хаты.

Первое время соседи навещали старуху, чтобы не оставлять ее в печальном одиночестве долгими вечерами, но потом понемногу перестали ходить: было видно, что старуха сама управляет и ей не особо нужны посторонние сочувствующие люди. Слава богу, теперь уже дни становились короче, и чтобы лампу не зажигать, можно пораньше лечь, поскорее заснуть и не помнить ни о чем... А назавтра со светом в окне начать какое-нибудь неотложное дело – в скотском сарае, на огороде или в палисаднике, где пора подвязывать стебли высоких цветов и поливать землю: осень вышла прохладная, но сухая, без единого дождичка до самого почти ноября... Потом стало вовсе уж холодно, за ночь изба выстывала, и старуха задерживалась в постели до яркого дневного света, ей не хотелось ходить по холодному полу и разжигать печь.

Пришло письмо от сына, старуха порадовалась. Федор Зозуля писал: все у них хорошо, получили новую квартиру, три комнаты, дети учатся в школе, никто не болеет в семье.

Грамоте старуха никогда не училась. Прочитать редкое письмо или поздравительную телеграмму ходила «до сусида». А в почтовом квитке, если случалась посылка, вместо подписи получателя чертила осторожный, дрожащий крест. Получая материнские письма, Федор Зозуля не удивлялся разнообразию почерков, он знал, что мать свои послания всегда диктует какому-нибудь отзывчивому человеку.

В этот раз ей помог Филька, второклассник, один из четверых пацанов Андрея и Полины Бережко, живущих в новостроенном доме через улицу. Филька был отличником в школе-интернате. Он старательно передвигал по бумаге ученическое перо, и между пухленьких его губ, измазанных вареньем, то и дело высывался кончик языка. Филька писал и сопел, а старуха сидела напротив, говорила медленно, по словечку, и наблюдала, как появляются на клетчатом листке круглые большие буквы. Она диктовала по-украински: хотела разжалобить сына родным языком, чтобы он пожалел свою мать и сделал бы то, о чем она его просила.

– Забэрыть... мэнэ... – говорила старуха. – Написал?

– Заберите меня... Написал.

– Отсюдова... нет, не так! Напиши – видсея. Забэрыть мэнэ видсея до сэбэ... пиши, пиши, чего ты? Бо одна я вже нэ могу... Пиши, пиши! Бо одна я вже...

То ли тревожная краткость письма, то ли старательность школьника Фильки (круглые, ровные буквы открывали широкие рты и беззвучно кричали), а может, проснувшееся в полную меру чувство сыновьего жаления и стыда, – трудно сказать, какая именно причина толкнула Федора Васильевича Зозулю в тот же день пойти на почтамп и дать телеграмму: «Мама соби-райтесь днями приеду Федя».

* * *

Письмо от матери почта принесла в понедельник, и на заводе, где работал инженер Зозуля, пришлось ему выпрашивать у начальства три дня за свой счет. Начальство просило повременить хотя бы до пятницы, чтобы на поездку израсходовались нерабочие дни, но инженер настаивал на срочном отъезде, и его отпустили. Он поговорил дома с женой, положил в командировочный портфель чистую рубашку, две пары носков, электробритву, прихватил большой пустой чемодан для материнских вещей и вечерним же хабаровским рейсом вылетел.

Из Хабаровска семь часов ехал на юг в поезде, который прибыл на знакомую станцию под утро, когда солнце еще не взошло. Через два часа, первым автобусом, Федор Васильевич приехал в родное село, и в рассветных сумерках пошел по извилистой улице, узнавая запахи детства. Уверенно, не плутая, нашел знакомый переулок, в конце которого рос большой тополь, посаженный здесь сорок два года назад, в честь его, Федора Зозули, рождения. Инженер поздно-

ровался с деревом, прошел сквозь кривую калитку во двор и увидел мать через открытую дверь летней кухни – наклонившись, она шуровала в печи кочергой.

Встреча получилась неловкая, скомканная. Федор Васильевич как-то слишком уж быстро подошел, держа в руках чемодан и портфель. Не успел, или забыл, или побоялся глянуть в глаза, полные влажного блеска, по-щенячьи ткнулся в серую щеку, зажмурился, прошептал: «Здравствуйте, мама», – отвернулся и медленно, чтобы дольше не распрямляться, опустил на землю сначала чемодан, потом портфель... Старуха тоже смутилась, сказала дрожащим голосом:

– Я тебя не ждала так скоро-то. Я думала, ты будешь долго на поезде ехать.

Федор Васильевич улыбнулся:

– Поезд медленно едет. А я в самолете к вам прилетел. Собирайтесь, мама.

Дунул ветерок, тополь покачал головой, уронил к ногам старухи золотой прощальный листок. Федор Васильевич, когда поднял свою ношу и направился вслед за матерью в хату, нечаянно наступил на листок лакированным городским полуботинком.

* * *

В поезде и в самолете, а потом в автобусе городского маршрута старуха настороженно заглядывала сыну в лицо, как доверчивая собака, которую строгий хозяин впервые привел в лес. Вокруг было много людей, стояли большие дома, мчались автомобили, а старуха всю жизнь прожила в малолюдном селе, ей было тревожно и боязно. Федор Васильевич понимал настроение матери и хотел как-нибудь приуменьшить в ней растерянность и тревогу, но не знал, как это сделать, отводил глаза и показывал матери проплывающие в окне автобуса памятники и магазины.

2.

– Аленка! Денис! Идите скорее сюда! Посмотрите, кто к нам приехал! – воскликнула Нина Петровна, жена инженера Зозули, встречая в прихожей свекровь. Она аккуратно поцеловала старуху и улыбаясь посмотрела на нее. – Ну, здравствуйте, Таисья Макаровна. Ничего, если я буду вас так называть? Ведь мы с вами ни разу не виделись... Раздевайтесь, снимайте пальто. Федя, ну помоги же!

От этих слов старухе сделалось легче: она в дороге тревожилась и хотела придумать какие-нибудь хорошие слова для первой встречи с невесткой, но так и не придумала ничего, а теперь видела, что это не нужно было, можно просто так поздороваться и обняться с родным человеком.

Из комнаты в прихожую выбежал мальчик – Дениска. Старуха его помнила младенцем на фотокарточке, а теперь это был уже первоклассник. Она растерялась, посмотрела на сына и на его жену виновато:

– Ой, как же так я забыла... Надо было гостинчиков привезти, хоть конфеточку или игрушку.

– Да ладно, не обязательно, – успокоил ее Федор Васильевич, а Нина Петровна засмеялась и сообщила:

– Вы сами, Таисья Макаровна, для них лучший гостинец. – И крикнула в комнату через дверь. – Аленка! Ну иди же сюда, поздоровайся с бабушкой, я кому сказала!

– Проходите, мама, что же вы? – сказал, волнуясь, Федор Васильевич и взял ее осторожно под локоть.

В большой комнате старуха увидела торжественные цветы в сверкающей вазе. Все блестело вокруг: застекленные книжные полки, сервант с хрусталем, высокое зеркало с тумбочкой

в дальнем углу, большой телевизор на тоненьких ножках, паркетный пол, застеленный ярким ковром, и люстра, сделанная словно из множества светящихся льдинок. Таисья Макаровна опять немного встревожилась среди этих богатых вещей, сделала несколько робких шагов и остановилась, оправляя на голове платок. Девочка в школьной форме, с белыми бантиками в тонких косичках, подошла и отрывисто чмокнула бабушку в щеку. Таисья Макаровна улыбнулась и погладила ее по голове.

– Ой, Аленушка, какая ты большая уже...

– Садитесь на диван, вы же устали с дороги, – предложила Нина Петровна. – А я вам сейчас ванну приготовлю, хотите?

– Конечно, конечно, обязательно, – ответил за мать Федор Васильевич, а сама она ничего не сказала: пусть заботятся как хотят, ей все ладно.

– Ну вот, – Зозуля сел на диван рядом с матерью. – Мы хорошо живем, не жалуемся, все у нас есть. Нина в продовольственном магазине работает, так что... Да ведь я уж рассказывал. Она хорошая, добрая, вы сами увидите.

– Да, да, – рассеянно проговорила старуха. – Только я не знаю, как ей говорить... дочкой-то назову – ничего? Не обидится?

– Нет, не обидится, – засмеялся Федор Васильевич, – что уж вы так-то... Зовите ее как получится.

– Ну и ладно тогда, – сказала старуха и оправила опять платок на голове.

– А я сегодня пятерку получил по арифметике! – похвастал Дениска.

– Молодец какой, – сказала Таисья Макаровна. – Ты хорошо учишь, чтобы учительница не ругалась.

– Он сегодня уроки не сделал, – выдала брата Аленка. – Я ему говорила, а он не слушает, все с паровозом играет. А завтра двойку притащит.

– Сама ты двойку притащишь! – крикнул Дениска сестре.

– Ну-ка! – приказал детям Федор Васильевич. – Бабушка приехала, а вы ругаетесь! Бабушке не понравится, и она уедет обратно к себе домой.

Дениска насупился и посмотрел на отца. Он подбежал к старухе.

– Бабушка, ты не уедешь?

– Нет, мой хороший, – она притянула к себе внука, легонечко обняла его. – Зачем же мне ехать от вас? Теперь мне уж некуда ехать, я с вами буду.

– Никогда-никогда не уедешь?

– Никогда, – сказала Таисья Макаровна, закрыла глаза и сильнее прижала к себе Дениску морщинистыми руками.

Из ванной комнаты возвратилась Нина Петровна.

– Ну что? – сказала она. – Вы готовы? Пойдемте, я вам все покажу.

Они прошли в ванную, и невестка научила старуху, как смешивать горячую воду с холодной, указала чистое мохнатое полотенце, розовое мыло, жидкую хвойную пасту в мягком флаконе для мытья головы.

– Пользуйтесь всем, не стесняйтесь, – сказала Нина Петровна. – А вот это, – она показала, – будут ваши домашние тапки. Правда, красивые? Я специально купила для вас, они тепленькие... Закрывайтесь теперь на задвижку, а я пойду пока на стол соберу.

Стыдясь своего отражения в зеркале, старуха сняла торопливо одежду. И долго стояла босыми ногами в холодной пустой ванне, все никак не могла настроить душ. Потом у нее получилось, вода потекла хорошо, и старуха замерла под теплым дождем, согревая себя и заботясь, чтобы вода не брызгала на пол. Потом спохватилась: ведь ее ждут – и заспешила, роняя скользкое мыло. Она вспомнила свою старую баньку, стоящую теперь одиноко на дальнем краю огорода, и пожалела, что больше никогда не откроет ее скрипучую дверь.

* * *

– С легким паром вас, Таисья Макаровна! – встретила невестка старуху, когда она вышла из ванной, закутав по привычке голову полотенцем. – Идите сюда, вот мы для вас комнату специально приготовили. Тут раньше Аленка хозяйничала, но мы ее попросили как следует, и она уступила вам свое место, а сама ревела вчера целый вечер... Но вы не обращайтесь внимания.

– Да может, не надо было? Теперь Аленка обидится на меня. А я где-нибудь тут, в уголку бы...

– Ну что вы! – Нина Петровна махнула рукой. – Ничего с ней не делается!

– Да, – со слезами в голосе сказала Аленка. – А теперь как я буду уроки учить?

– Ну, хватит! – отчитал ее Федор Васильевич. – Мы ведь уже договорились, кажется? И точка. Смотри-ка ты на нее, какая настойчивая.

Аленка вздохнула, посмотрела на бабушку исподлобья и отвернулась к окну, чтобы не показывать свою обиду: теперь уже все равно, как сказали отец с матерью, так и будет. Старуха тоже вздохнула и пожала плечами – я, мол, тут не закон.

– Таисья Макаровна, идите сюда, – повторила невестка уже без улыбки и строго, рассердившись на дочь.

Старуха подошла к двери в свою комнату.

– Видите? – показала Нина Петровна. – Тут можно на крючок закрываться, и никто вам не будет мешать. Переодевайтесь и выходите скорей, мы вас ждем. – Она легонько подтолкнула старуху и неслышно закрыла дверь за ее спиной.

Таисья Макаровна обернулась в растерянности, подняла нерешительно руку, чтобы закрыться на крючок, как велела невестка... С поднятой рукой попятилась и остановилась. За дверью была тишина, словно там тоже все замерли и ждали неизвестно чего.

Она огляделась.

* * *

У стены стояла кровать, застеленная одеялом, которое старуха привезла с собой в чемодане. Тут же был и сам чемодан – раскрытый, чтобы Таисья Макаровна взяла из него свои вещи и переоделась. Она вздрогнула: в дверь постучали, и громкий голос Нины Петровны подсказал:

– Я забыла! Там в шкафу ваши две нижние полки, можете их занимать!

Старуха села на кровать, сняла с головы полотенце. Долго разглядывала свои ноги, обутые в мягкие тапочки, расшитые замысловатым узором, невесткин подарок.

Комната была небольшая. Кроме шкафа и кровати, здесь помещался маленький стол возле окна, зашторенного опрятными занавесками, тумбочка и табуретка, да еще цветной коврик-половик лежал рядом с кроватью, а со стены глядели две картинки: девочка, прыгающая через скакалку, и заяц на пеньке. Подоконник был весь уставлен цветочными горшками, над которыми поднимались темно-зеленые шары незнакомых растений. Старуха подошла, тронула пальцами один из этих шаров – и отдернула руку: укололась.

Она достала из чемодана гребень и свежий головной платок. Сменила дорожное платье на серую кофту и юбку с передником. Набросила теплую шаль, подошла к двери, за которой слышна была музыка: там включили уже телевизор. Таисья Макаровна постояла, не решаясь – надо ли ей постучаться, прежде чем выйти отсюда...

– А теперь за стол, будем ужинать! – встретила старуху невестка.

Аленка помогала матери носить из кухни тарелки с едой. Федор Васильевич сидел в кресле и держал на коленях Дениску: телевизор показывал мультик, и Дениска даже не посмотрел на бабушку, когда она появилась.

Старуха засуетилась, хотела принять у невестки из рук блюдо с нарезанным хлебом, чтобы как-нибудь тоже участвовать в женской работе. Нина Петровна не позволила:

– Мы сами управимся, не беспокойтесь. Садитесь за стол, отдыхайте пока... только нет, не сюда! Здесь у нас будет Аленка сидеть, а вы, пожалуйста, вот где садитесь.

– Да какая тебе разница? – сказал жене Федор Васильевич, повернув голову от телевизора. – Пусть мама садится где хочет.

– Вот еще! – ответила Нина Петровна. – Она ведь сегодня у нас почетная гостья, ей место во главе стола. Надо же все по-человечески делать. Уж ты молчал бы, если не понимаешь.

Федор Васильевич повернул опять лицо к телевизору и ничего не сказал. А старуха пересела, куда ей велела невестка, и рассеянно стала следить, как появляются перед ней на столе тарелки с едой. Когда почти не осталось свободного места, Нина Петровна поставила в середину стола бутылку с расписной этикеткой.

– Вот, – сказала она, – это за встречу... Федя, давайте садитесь, хватит вам уже со своим телевизором, горячее стынет.

Нина Петровна и Федор Васильевич поместились напротив друг друга, а детей усадили поближе к бабушке, как было задумано для торжественного застолья.

– Ну, – Федор Васильевич взял свой фужер. – Давайте это дело отметим. Теперь наша семья будет в полном составе.

– И слава богу, – улыбнулась Нина Петровна.

– Спасибо, – сказала зачем-то старуха и подняла свою рюмочку в дрожащей руке.

3.

Ночью старуха долго лежала в постели и не спала. Уже смолкли все звуки в квартире, только за стеной у соседей слышалась тихая музыка да где-то внизу, за окном, изредка проезжал одинокий троллейбус или автомобиль. Таисья Макаровна следила за тем, как перемещаются на потолке дрожащие пятна уличного света.

Когда ложилась, она оставила открытой дверь своей комнаты, но потом Федор Васильевич осторожно притворил ее. Он хотел, чтобы мать отдыхала спокойно и не проснулась рано утром от разговоров и шагов по квартире: дети будут собираться в школу, взрослые на работу. И старуха не услышала голосов и шагов. Она проснулась, когда никого уже не было дома.

Она пробудилась не сразу, а как привыкла за последнее время: еще в полусне подумала обо всем, что надо исполнить с утра по хозяйству – затопить печь, проведать в сарае куриц и поросенка, потом сготовить что-нибудь для себя. Вот теперь можно вставать и приниматься за дело... Старуха открыла глаза, увидела зайца на пенке и девочку со скакалкой.

Она села в кровати, ногами нашла свои новые тапки, прислушалась. Утренний город глухо шумел за окном, сквозь шторы из тонкого тюля проходил и лежал на полу холодный рассеянный свет. Рядом с кроватью со вчерашнего вечера был раскрыт чемодан, старуха долго смотрела на него остановившимися глазами.

Все же нашлось одно привычное утреннее дело. Старуха совершала его долго и неторопливо – поливала цветы. Невестка вчера объяснила ей в ответ на вопрос, что эти растения называются кактусы, они очень удобные, можно целый месяц не поливать, а они все такие же будут. Старухе не поверилось, но вчера она ничего не сказала невестке, а теперь хорошенько полила эти кактусы и ногтем порыхлила землю в горшках.

Ей оставили завтрак на столе под салфеткой: вчерашний салат, кусок пирога с земляничным вареньем, стакан простокваши и яблоко. Это было тоже занятие, старуха жевала намеренно медленно, а когда опустела посуда, она пожалела себя: все-таки ей показалось, что можно было истратить на завтрак еще хотя бы десяток ненужных минут.

Чтобы привыкнуть и совсем успокоиться, она обошла не спеша всю квартиру, потрогала руками незнакомые вещи. Посидела в креслах с высокими спинками. Взяла с полки тяжелую книгу, долго листала, разглядывая цветные картинки. Отодвинула штору и с высокого этажа смотрела, как внизу спешат по улице маленькие озабоченные люди, у всех было какое-нибудь важное дело.

Оставалась еще одна небольшая работа, вымыть посуду. Старуха осторожно перенесла в кухню две тарелки, ложку с вилкой и стакан. Закончив с посудой, побыла еще в кухне, здесь ей было как-то уютней, спокойней. Потом прошла к себе в комнату. Взяла в чемодане чистый носовой платок и стала вытирать всюду пыль. Она видела, что это не нужно – Нина Петровна сама сделала эту работу, чтобы к приезду свекрови в доме была чистота. Таисье Макаровне все-таки сделалось легче: она немного устала и теперь могла посидеть на диване, отдохнуть и придумать новую заботу рукам.

Постирать несколько мелких вещей из белья и одежды. С этим она управилась быстро, а сушить отнесла к себе в комнату и развесила на спинках кровати. Вспомнила о двух пустых полках в шкафу, переложила на них свои вещи из чемодана. Тут ей повезло: обнаружилась висящая на последней ниточке пуговица. Таисья Макаровна заново пришила ее, потом проверила все пуговицы на одежде – не найдется ли еще такая работа.

– Ой, – сказала сама себе и замерла от удачной догадки. – Они же придут на обед, а кушать нечего!

Покачала головой, упрекнула себя. Прошла в кухню и засуетилась. Нашла банку с мукой, соль и сахар, бутылку масла. Достала из шкафчика большую кастрюлю, налила в нее из крана воды. Репчатый лук и капуста, мясо с мозговой костью, приправы и крупы – было все что требовалось, и старуха мысленно похвалила хозяйственную невестку. Она зажгла газ – это получилось не сразу, истратила несколько спичек. Поставила вариться бульон и завела жидкое тесто, чтобы нажарить блинов... И больше ничего не успела.

* * *

– Чем это вы занимаетесь? – прозвучал за спиной голос Нины Петровны.

Старуха вздрогнула, оглянулась к невестке и поздоровалась с ней.

– Доброе утро, доброе утро... А зачем это? Вы разве еще не покушали?

– Нет, я покушала. А вот постряпаю вам на обед. Скоро же Федя, наверно, придет обедать.

И ребятишки.

– Да нет, ну что вы! Зачем это! – Нина Петровна окинула быстрым взглядом продукты, которые старуха приготовила на столе. Подошла к плите, убрала кастрюлю, вместо нее поставила на огонь сковородку и начала складывать продукты обратно в холодильник и подвесной шкаф, приговаривая: – Я-то думаю, Таисья Макаровна у нас отдыхает себе, а она, смотрите-ка, трудится, стряпню завела.

Старуха опустила на стул и в растерянности поглядывала на невестку.

– Федя всегда на заводе обедает, – продолжала Нина Петровна, – у них там столовая, обеды недорогие и готовят неплохо... Ему домой на обед приехать никак не получится, перерыв с часу до двух, не успеет. А Дениса с Аленкой мы в продленную группу устроили, их там кормят, они тоже нескоро домой придут.

На плите в сковородке уже шкворчала яичница. Нина Петровна вынимала из сумки бутылки с молоком и кефиром, какие-то баночки, свертки. Она говорила и действовала быстро, не успевая взглянуть на старуху, сидящую на стуле в углу.

– Мы дома редко вместе обедаем. Только ужинаем, и то не всегда. Федя, бывает, задерживается, поздно с работы приходит, особенно в конце месяца, когда они план гонят. Да и

я забежала только чтобы вас проведать, как вы тут себя чувствуете. – Она посмотрела на свекровь. – Может, вам надо чего-нибудь? Ну там... не знаю... в магазине купить.

Старуха пожала плечами.

– Ну тогда ладно, – сказала невестка и поставила на стол тарелку с готовой яичницей. – Вот, кушайте. Я побежала. Спешу!

– А ты ж пообедай со мной, – предложила Таисья Макаровна.

– Опаздываю! – крикнула Нина Петровна из прихожей, надевая пальто. – У нас в магазине конец перерыва, опоздать никак нельзя, покупатели сейчас знаете какие сердитые! – Она оделась и заглянула в кухню. – Я вам телевизор включила, сейчас будут вчерашний фильм повторять. Ну, отдохайте!

Хлопнула дверь.

* * *

На плите тонко пел закипающий чайник. Из комнаты слышались звуки включенного телевизора. Таисья Макаровна поковыряла вилкой яичницу и без охоты съела все до конца, чтобы еда не оставалась в посуде. В шкафчике над раковиной среди чашек и блюдец нашелся граненый стакан. Старуха налила в него чаю и выпила без сахара, как привыкла. Убрала в холодильник кастрюлю с недоваренным бульоном. Поддержала в руках миску с тестом для блинов, поставила ее в угол стола и укрыла полотенцем: может, еще пригодится.

На экране телевизора мужчины и женщины разговаривали и смеялись, потом кто-то бежал ночью по улице, в него стреляли и ранили в ногу, но человек забежал в какой-то подъезд, спрятался под лестницей в темноте, и его не нашли... Таисья Макаровна прошла к себе в комнату, закрыла дверь. Села на кровать и сгорбилась, подперев голову обеими руками.

Потом прилегла.

4.

Прошло два одинаковых дня, наступил выходной.

Завтракать сели опять за общим столом в большой комнате, и Федор Васильевич торжественно объявил:

– Сегодня всей семьей идем гулять в парк! А потом в кино, на двенадцать сорок, я уже и билеты купил. Вот, – он показал билеты. – Кинотеатр «Октябрь», широкоформатный.

– Замечательно, – усмехнулась Нина Петровна. – Что же ты мне об этом вчера не сказал?

– Потому что сюрприз, – объяснил Федор Васильевич.

– Да не хочу я в парк! – отказалась Аленка. – И в кино не успею, у меня сегодня кружок домоводства, а я уже одно занятие из-за вас пропустила, когда бабушку надо было встречать.

– И еще один раз пропустишь, никуда твое домоводство не денется, – сказал строгий отец.

Аленка насупилась, а Нина Петровна упрекнула супруга:

– Федя, ну так же тоже нельзя. Ты бы хоть предупредил. Маргарита на Дениса новый костюмчик шьет, сегодня надо первую примерку делать. Я обещала, что мы приедем к двенадцати.

– Не хочу на примерку! – крикнул Дениска. – Я с бабушкой в парк пойду!

– Вот молодец, – улыбнулся сыну Федор Васильевич. – Отменяются все примерки и все кружки! – Он посмотрел на жену и добавил негромко, специально для нее. – А Маргарите надо позвонить и сказать...

– Зачем это я буду звонить? Мы еще на прошлой неделе обо всем с ней договорились.

– Позвонить и сказать, – уже громче настаивал Федор Васильевич, – что примерка сегодня не состоится. Объяснить по-человечески. Что она, не поймет, что ли?

– Ну, не знаю, – Нина Петровна резко встала из-за стола и ушла зачем-то на кухню.

Аленка тихо заплакала, и старуха пожалела ее. Но ей было жалко и сына. Федор Васильевич с застывшим лицом размешивал сахар в расписной чайной чашке. Сахар уже растворился, а он все звенел и звенел ложечкой о стекло. Дениска распахнутыми глазами смотрел то на отца, то на бабушку, то на сестру.

– Давайте-ка сделаем вот что, – сказала Нина Петровна, возвратившись из кухни. – Если не хочется... или невозможно... перенести это... мероприятие на следующую субботу или воскресенье...

– Да что это, в самом-то деле! – Федор Васильевич швырнул на стол чайную ложку. – Бабушка приехала к нам и сидит дома одна целыми днями... Надо же понимать хоть немного!

– Все понятно, чего ты кричишь? – тихим голосом проговорила Нина Петровна. – Я как раз хочу предложить нормальный выход из положения.

– Давай, давай, предлагай, – проворчал Федор Васильевич и двумя глотками выпил остывший чай.

– Как ты придумал, так мы и сделаем. Погуляем в парке, посмотрим кино.

– Ура! – обрадовался Дениска.

Мать строго глянула на него. Помолчала.

– Только один билет придется все же продать, – сказала она твердо. – Потому что Алена обязательно должна идти на кружок, она уже не первый раз пропускает занятия. Это все-таки домоводство, а не какое-нибудь там... развлечение. Ей в жизни пригодится, она девочка, надо же реально на вещи смотреть... А Маргарите я позвоню и скажу, что мы с Денисом придем, но задержимся. Вот и всё, – она улыбнулась Таисье Макаровне, и той стало немного легче от этого.

* * *

Оказалось, что в парке уже закрылся летний сезон. Карусели, качели, автодром, комната смеха – всё было под замком. Только колесо обозрения тихо крутилось и поскрипывало. У калитки аттракциона скучал под грибком старик билетер в мятой шляпе. Желающих прокатиться на колесе находилось немного, должно быть поэтому старик был сердитый.

На самом верху у Таисьи Макаровны закружилась голова. Она крепко держала под руку сына и почти не понимала, что он ей говорит, кивала и улыбалась, рассеянно глядя вниз, где лежало море домов, струились улицы, широко изгибалась темная лента реки.

– Бабушка, бабушка! – кричал Дениска. – Вон, смотрите, наш дом!

– А вон за рекой трубы дымят, – Федор Васильевич вытянул руку. – Видите, мама? Это мой завод...

Они побродили немного по парку, спустились к реке. Здесь было прохладно, дул ветер. На пустующем пляже сидел у воды одинокий рыбак. Дениска убежал вперед, потом вернулся бегом и сообщил с восторгом:

– У него рыба поймалась! Вот такая огромная, целый сом! Таисья Макаровна улыбалась, глядя на внука.

Встретилась телефонная будка, Нина Петровна вошла в нее, чтобы позвонить портнихе.

– Вот доживем до лета, – рассказывал матери Федор Васильевич. – Летом у нас тут хорошо... Сядем на катер, поедем куда-нибудь загорать. Денис нынче так хорошо плавать научился, прямо хоть куда!

– Ага, – загордился Дениска. – Я теперь никогда не утону!

– Что ты, бог с тобой, – сказала старуха, а Федор Васильевич рассмеялся, ухватил сына под мышки и поднял над головой.

Нина Петровна вышла из телефонной будки и развела руками.

– Не получается, – вздохнула она. – Придется вам и наши билеты продать.

– Никаких! – ответил сердито Федор Васильевич. – Что еще опять за новости?

– Да она так на меня наорала, что я прямо не знаю... Не надо мне, говорит, таких клиентов, которые вовремя на примерку не ходят. Ваш материал, говорит, я вам по почте пришлю, бандеролью. Ищите себе другую портниху. Представляешь?

– И черт с ней! – возмутился Федор Васильевич. – Подумаешь тоже, портниха! Найдем и другую!

– Федя, ну что ты говоришь. Попробуй такую найди... Я собиралась ей еще пальто зимнее заказать для Аленки. И тебе новый костюм пора шить, ты же знаешь... Нет уж, мы с Денисом пойдем. Вы извините, Таисья Макаровна, что так получилось.

– Ну мама, ну я не хочу, – захныкал Дениска и отбежал за спину старухи.

– Не надо, не обижайся на маму, – сказала ему Таисья Макаровна. – Федя, пусть они идут, если так надо. Что ж теперь делать...

Нина Петровна схватила за руку сына, потянула за собой. Они удалялись по набережной. Дениска оглядывался на каждом шагу, потом вырвал свою руку и пошел рядом с матерью, опустив голову. Он, наверное, плакал сейчас, и старуха горько вздохнула, глядя вслед уходящему внуку.

Федор Васильевич отвернулся и закурил папиросу.

* * *

Вдвоем они дошли до конца набережной, повернули обратно. Солнце поднялось выше, ветер немного утих, стало теплее. Таисья Макаровна расстегнула на пальто верхнюю пуговицу. Вода в реке была по-осеннему темная и холодная, но яркое солнце отражалось в ней и горячо слепило глаза. Большой теплоход погудел, медленно отошел от причала. На палубе стояли вдоль борта улыбающиеся люди и махали руками, прощаясь с кем-то на берегу. Федор Васильевич, заложив руки за спину, шел по набережной и молчал. Старухе тоже было неловко. Она винила себя, не понимая за что.

– Ну ладно, – сказал Федор Васильевич и бросил в урну окурки. – Пойдемте, мама. Уже через двадцать минут начало сеанса, а нам еще надо три билета продать.

Таисья Макаровна остановилась.

– А давай продадим все билеты? – предложила она. – И ни в какое кино не пойдем.

Федор Васильевич помолчал и ответил:

– Можно и не ходить... А что мы тогда будем делать?

– Ну... мы просто так погуляем с тобой. Поразговариваем.

Сын долго смотрел на старуху, глаза его понемногу теплели.

– Ну что ж, – сказал он и поправил теплый платок, выбившийся у матери из-под воротника пальто. Потом достал из кармана билеты, посмотрел на них, скомкал в кулаке и бросил в урну.

– Вот так, – с улыбкой вздохнула Таисья Макаровна. – А на что нам это кино, правда же? Нам и так с тобой хорошо.

Они поднялись по широкой каменной лестнице в парк, сели на скамейку. Федор Васильевич опять закурил, а старуха сказала вдруг:

– Ведь ты же не любишь ее, Федя. И она тебя тоже. Я это вижу, я тебе мать.

– Не знаю, – ответил ей сын. – Может быть и так. Раньше любили, а теперь... – Он тяжело вздохнул. – Да и зачем она теперь нам, эта любовь. Ведь мы уже не молодые. У нас дети есть.

– Ну и что же, что дети? – возразила старуха. – Детям тоже любовь-то ваша нужна, они всё понимают. Аленка у вас какая-то дикая, разве не видно? И Дениска скоро будет большой, тоже догадается.

– Дети как дети, мам. Не хуже чем у других. И семья наша самая обыкновенная, сейчас все так живут, вы просто не знаете.

– Да что же тут знать? – удивилась Таисья Макаровна. – У меня за других-то душа не болит. Я хочу, чтобы тебе хорошо было, и жене твоей, и детям твоим.

– Нет, мама, ну что вы, – успокоил ее Федор Васильевич. – Мы ведь даже почти никогда и не ссоримся. Это просто так получилось, случайно. Я думал, в кино сходим, побудем все вместе...

– Вот видишь, – сказала старуха. – Разве ж это ладно, вот так-то? В одном доме живете, а все равно как чужие, у каждого свой интерес.

Федор Васильевич посмотрел на мать пристально, с болью. И отвернулся.

– Вот у нас-то в деревне, – продолжала Таисья Макаровна. – Кто мы друг дружке? Соседи и больше ничего. У кого семья, тому легче. А мы, старики одинокие да старухи, что нам делать? Дудина Варя ведь мне как родная была, уж как я за нею ходила, как я жалела ее... И многие ко мне приходили, кто в огороде чего поделает, кто принесет чего... Стороженко-то Иван, через улицу живут, помнишь его или нет? Они когда корову зарезали, всем по куску по хорошему отнесли, и мне дали. Я Варю тогда хорошо накормила... И другие же, тоже они... Хоть картошку копать или хату новую ставить, всегда спросят, чего тебе трудно, чтобы помочь как-нибудь...

Таисья Макаровна помнила, что не все было так, как она говорит. Но сейчас было надо, чтобы сын ей поверил. Федор Васильевич понимал хитрость матери, и ему было грустно.

Еще долго старуха учила сына, как правильно могут жить люди между собой. Ей уже и самой поверилось в эту мечту, и она даже всплеснула руками, когда новая догадка пришла ей на ум.

– Ой, ну как же это я забыла! И ты не напомнил мне...

– Не знаю, – удивился Федор Васильевич. – Вы о чем говорите, мама?

– Да письмо-то я обещалась прислать! Соседу, ты же знаешь его, на одной ноге-то который. Буряк его фамилия, Петр Филиппович, ну! А ведь он, поди-ка, ждет. Конечно, ждет. Уехала и молчу себе, вот как! А человек беспокоится.

– Ничего, – улыбнулся Федор Васильевич. – Сегодня напишем ему. Прямо сейчас пойдем домой и напишем. А завтра я его авиапочтой отправлю. Оно быстро дойдет, за три дня.

Старуха кивнула и поднялась со скамейки.

* * *

Когда они пришли, никого еще не было дома. Федор Васильевич помог матери снять пальто и проводил в большую комнату. Он взял чистую тетрадку из школьных запасов Аленьки, аккуратно вырвал из середины двойной листок, достал авторучку и пригласил мать к столу.

– Начинаем, – сказал он. – Диктуйте, мама.

Таисья Макаровна села напротив сына и задумалась.

– Как его по имени-отчеству? – подсказал Зозуля.

– Петр Филиппович.

– Значит, так... Здравствуйте, Петр Филиппович. Правильно?

– Да, – сказала старуха. – Пиши дальше: доехала хорошо, всё слава богу.

– Ну, бога мы не будем поминать... Доехала я хорошо, сначала на поезде, потом в самолете. Так... Что дальше?

– Пиши: живу хорошо.

– М-м, – сказал Федор Васильевич и потер пальцем переносицу. Подумал немного и начал писать – быстро и молча. Таисья Макаровна следила за тем, как ложатся на бумагу пря-

мые строчки. Ей хотелось узнать, о чем пишет сын человеку, который ему незнаком, но она ничего не сказала пока, чтобы не мешать.

Федор Васильевич исписал страницу и перевернул листок. Старуха вздохнула, подперла щеку рукой.

В середине третьей страницы Федор Васильевич поставил последнюю точку, подписал: «Ваша бывшая соседка Таисья Зозуля». Отложил авторучку, глянул на мать и прочитал ей готовое письмо.

Старуха сообщала соседу, что в городе ей интересно, но она пока не привыкла и немного страшится ходить на улицу, а больше сидит дома, играет с внуками, рассказывает им всякие истории, а вечерами смотрит телевизор. В письме говорилось, что все ее любят и заботятся о ней, она не болеет и не тоскует. А сегодня ходили в кино всей семьей, гуляли в парке, катались на большом и высоком колесе, и она видела сверху весь город. В конце письма интересовалась здоровьем Петра Филипповича, просила передать привет всем соседям и сообщила адрес своего нового жительства... Таисья Макаровна слушала сына и согласно кивала.

– Вот так, – закончил чтение Федор Васильевич. – Все правильно?

– Да, – сказала старуха. – Только ты еще напиши, что я, мол, не просто так с вами живу, а помогаю вам, работаю тоже, и от меня польза есть. Чего говорят мне поделывать, всё делаю... – голос ее задрожал. – Готовлю покушать, стираю, мол... Напиши...

Федор Васильевич покраснел, письмо замерло у него в руке. Старуха посмотрела ему прямо в глаза, потом опустила лицо и концом головного платка убрала со щеки единственную слезинку.

– Ладно, мама, – промолвил Федор Васильевич. – Мы про это в следующий раз напишем. А сегодня я с Ниной посоветуюсь... мы придумаем что-нибудь. Обязательно что-нибудь придумаем.

Таисья Макаровна встала из-за стола и прошла к себе в комнату.

5.

Вечером, когда за ужином собралась вся семья, Нина Петровна сказала:

– Знаете что, Таисья Макаровна? – и посмотрела на мужа, тот кивнул незаметно. – Понимаете, у нас мусорка очень рано приезжает, в семь часов утра, это надо специально вставать, а мы поспать любим.

«Какая мусорка?» – хотела спросить старуха, но постеснялась.

– Вот... а потом еще вечером, в пять часов машина бывает, но мы как раз на работе, и ребятишек еще дома нет в это время. Я прямо не знаю, уж не могут как-нибудь приезжать, чтобы людям удобнее было, только о себе думают, честное слово.

– Я помогу, – сказала старуха. – А что надо делать?

– Да вот в пять-то часов... вы же дома всегда. Если вам не трудно, конечно. Мусорное ведро вынести к машине. На лифте спуститься, потом обратно подняться. Федя вам покажет, как лифтом пользоваться.

– Да мы ведь уже ездили в лифте, я знаю! – обрадовалась старуха. – Там надо кнопку нажать, и всё.

– Ну вот, хорошо, – сказала невестка. – Тогда мы один ключ вам оставим, он будет вот здесь, на тумбочке под зеркалом. А из вашей комнаты видно в окно, где она останавливается, мусорка. В пять часов, не забудете?

– Не забуду, – обещала старуха. – В пять часов, чего ж я забуду-то.

– Только знаете, машина недолго стоит, минут десять всего, и мусорщик такой грубый человек, никогда лишнего не подождет, а только обругает всяко, и поехал... Уж вы не опаздывайте как-нибудь, ладно?

* * *

Назавтра с утра старуха ни на минуту не забыла о своем поручении. Заранее сняла с вешалки пальто, принесла к себе в комнату и положила на кровать, чтобы оно было в нужный момент под рукой. После обеда приготовила мусор – умяла его в ведре, закрыла газетой и вынесла ведро из кухни, поставила к самой двери.

До пяти оставалось еще полчаса времени, но старуха не вытерпела больше ждать, надела пальто, взяла в руки будильник и встала к окну, считая в уме оставшиеся минуты.

Во дворе сушилось белье на веревке, мальчишки гоняли мяч. Мужчина вынес из подъезда детскую коляску и покатил перед собой не спеша... Вдруг старуха увидела женщину, которая вышла из того же подъезда с мусорным ведром, поставила его на крыльце и стала снимать с веревки белье. Еще одна женщина появилась, и тоже с ведром. Таисья Макаровна заволновалась возле окна, застегнула пальто на все пуговицы. Недоверчиво приложила к уху будильник, послушала... Было уже без пяти. Старуха вспомнила про ключ, испугалась. Вышла в комнату, взяла с тумбочки ключ, положила в карман, а когда возвратилась к окну, увидела, что мусорная машина уже медленно едет и разворачивается в дальнем конце двора. Старуха выбежала в прихожую, торопливо обулась, подхватила ведро.

– Лифт не работает, сломался! – крикнул мальчик с ведром и промчался мимо нее вниз по лестнице.

Таисья Макаровна быстро пошла по ступенькам, почти побежала, споткнулась и чуть не упала.

На нижнем этаже ей встретилась пожилая женщина с маленькой тощей собачкой на поводке. Собачка звонко загавкала и потянулась к старухе, перебирая тонкими лапками. Таисья Макаровна замерла.

– Здравствуйте, – тихо сказала она женщине.

Та не ответила, наклонилась, взяла собачку на руки, глянула на старуху и успокоила ее грубым, мужским голосом:

– Не бойтесь, она не кусается. Да проходите же, что вы стоите?

Старуха проскользнула мимо них, толкнула дверь, вышла на улицу и побежала вприпрыжку к машине, обеими руками держа перед собою ведро.

Люди сыпали мусор в бункер, швыряли туда мятые газетные свертки, громко колотили ведрами, выбивая из них прилипшие остатки. Мужик в телогрейке и с папиросой в зубах пошуровал мусор лопатой, дернул какой-то рычаг, тотчас там загудело, нижняя стенка бункера поползла вверх, мусор зашевелился, тоже пополз вверх и начал с грохотом сваливаться внутрь фургона. Люди расступились, Таисья Макаровна торопливо приблизилась к бункеру, подняла ведро, а мужик в телогрейке зыркнул на нее и прохрипел:

– Ты что, мать? Не видишь? погоди, не лезь! – выхватил ведро у нее из рук и поставил на землю.

Старуха с бьющимся сердцем ожидала, что он еще будет кричать на нее, но мужик промолчал и только запыхтел своей папиросой.

Механизм сработал, подвижная стенка вернулась на прежнее место, открыв пустой бункер для новой порции мусора.

– Давай, бабуля! Сыпь свою гниль! – мужик посторонился и оперся грудью на черенок грязной лопаты.

* * *

С пустым ведром она добрела до подъезда. Села на скамеечку, отдышалась. Теперь она выполнила поручение и могла не спешить. Девочка в яркой курточке с капюшоном подошла и молча села рядом с ней на скамейку. Она была маленькая, лет пяти. Старуха на нее посмотрела.

– Ты почему одна гуляешь? Где твоя мама?

– Она в магазине, – ответила девочка. – Я ее подожду.

– А где ты живешь? В этом доме?

– Да, – кивнула девочка. – На девятом этаже. Мы сейчас на лифте поедem.

– Вот хорошо, – сказала старуха. – А я на восьмом живу. Значит, соседи... Можно, я с вами поеду?

– Можно, – ответила девочка и замолчала.

Таисья Макаровне захотелось сказать ей еще что-нибудь. Она спросила:

– Ты знаешь Дениску?

– Знаю.

– А дядю Федю и тетю Нину?

Девочка нахмурилась, пнула ногой мелкий камешек на тротуаре.

– Тетя Нина плохая, она мою маму не любит.

– Почему не любит? – удивилась старуха.

– Она злая, она моей маме плохие слова говорила. Мама плакала, а я ее пожалела, и она перестала... Ничего, как-нибудь проживем, – закончила девочка взрослыми, не своими словами.

Старуха огорченно поджала губы. Она насторожилась, увидев, что к ним приближается женщина с тяжелой хозяйственной сумкой.

– Твоя мама идет?

– Да, моя мама.

Женщина коротко глянула на Таисью Макаровну и поздоровалась первой. Втроем они вошли в подъезд. Кабина лифта опустилась к ним, женщина пропустила вперед свою дочку и повернулась к старухе.

– Пожалуйста, проходите. Вам на какой?

– На восьмой. Я у сына живу, в пятьдесят четвертой квартире, недавно приехала.

– А, в пятьдесят четвертой... Федор Матвеевич ваш сын?

– Ну да, – подтвердила старуха. – Федор Васильевич.

– Ох, я забыла... извините.

Лифт вздрогнул, пошел вверх.

– Ну и как вам живется у сына? – спросила попутчица.

– Хорошо, – произнесла старуха привычное слово и торопливо добавила: – Вы заходите ко мне, я варенье клубничное привезла, дочке вашей понравится... Меня Таисья Макаровна звать, а можно просто так, баба Тася. Давайте уж познакомимся.

– Я Надежда, – улыбнулась ей женщина. – А дочку мою Ольгой зовут.

– Вот и ладно, – обрадовалась Таисья Макаровна. – Так вы приходите, у нас до самого вечера никого дома нет, я одна. Посидим просто так, по-соседски.

– Хорошо, – сказала женщина и запнулась. – Зайдем... как-нибудь.

Кабина лифта остановилась. Дверные створки загудели, раздвинулись.

– Ой, быстро как, – огорчилась старуха, – ничего не успеешь сказать... Ну, до свидания вам. Приходите!

– До свидания, баба Тася! – звонко крикнула девочка. Дверь кабины опять загудела, и старуха осталась одна на своем этаже.

* * *

– Да это Самойлова. У нас на заводе работает, – ответил в этот же вечер на вопрос матери Федор Васильевич. – Она одинокая, вечно ей не везет.

– Ну да, как же, не везет! – неожиданно громко сказала Нина Петровна. – Вон какую квартиру отхватила, мадонна! Стерва она и больше никто.

– Перестань, – поморщился Федор Васильевич, а старуха не вытерпела и впервые строго возразила невестке:

– За что же вы так человека ругаете? У нее дочка такая хорошая, Оленька.

Нина Петровна махнула рукой.

– От святого духа та дочка, – сказала она и скривилась презрительно. – Вы не представляете, какие сейчас бабы пошли. Ни стыда ни совести, честное слово. Нагуляют ребенка с любовником, а папашу никто в глаза не видал. Вот устроились! И еще им квартиры дают, проституткам.

– Нина! – упрекнул ее Федор Васильевич. – Ну не стыдно тебе?

– Мне стыдно? – возмутилась невестка. – Это тебе должно быть стыдно, что ты ее защищаешь! Вот еще дева Мария нашлась!

– Она живет и никому не мешает. Чего ты?

– Это кажется, что не мешает! Ничего себе... Да если все будут делать как она, что же получится? Ты считаешь, что это нормально?

– Во-первых, все так делать не будут, и ты это прекрасно сама понимаешь. И я не считаю, что это нормально. Человеку не повезло в личной жизни, так что же теперь, грязью его на каждом шагу поливать? Ты поставь-ка себя на ее место, прежде чем осуждать.

– Ну, спасибо... – медленно проговорила Нина Петровна. – Ты, значит, предлагаешь мне местами с ней поменяться? Очень хорошо... Просто замечательно.

– Да при чем тут! Подумай, что ты говоришь!

– Все ясно... Теперь мне все ясно.

Таисья Макаровна вышла из кухни, плотно закрыла дверь за собой и ушла в комнату к детям. Она преднамеренно выбрала минуту, когда взрослые остались одни, чтобы спросить о своей новой знакомой, – старуха догадывалась, что разговор получится нехороший.

Аленка сидела за столом и зубрила на завтра уроки, а Дениска смотрел кино по телевизору. Таисья Макаровна пожалела, что ему слышно здесь, как родители ругаются в кухне. Она подошла к внуку, склонилась над ним и шепнула на ухо:

– А что у тебя телевизор так тихо работает? Ты сделай погромче. И я тут с тобой посижу.

6.

Выпал снег, в городе стало холодней и светлее. Но ненадолго, вскоре опять потеплело, белое вновь стало серым... Таисья Макаровна уже не смотрела, как прежде, подолгу в окно. Ей вспоминались цветы в палисаднике – астры, гладиолусы, георгины – она жалела их яркие краски, которые, наверное, уже потускнели под мокрым ветром или вовсе ушли под снег...

Начинался еще один день, похожий на те, что уже миновали.

Она проснулась и полежала в постели, ожидая, когда в последний раз хлопнет наружная дверь... Наконец все ушли. Она встала, оделась. Съела свой завтрак, помыла стакан и тарелку.

В большой комнате лежал на столе свежий детский журнал. Тут же валялись ножницы и разбросанные листки разноцветной бумаги, из которой Денис вырезал вчера маленькие фигурки – деревья, грибы, автомобили, солнце и месяц – а потом приклеивал их в альбоме,

и получались картинки: автомобиль едет на зеленый сигнал светофора, лодка плывет по реке, под березой растет мухомор, – это было задание на дом по рисованию.

Таисья Макаровна села к столу, перелистала журнал, отложила его. Собрала в аккуратную стопку листки разноцветной бумаги. Взяла ножницы, пошевелила длинными лезвиями... Потом – просто так, чтобы занять мысли и руки – выстригла из бумаги красный цветок и несколько зеленых листьев. Вспомнила, что в туалетном шкафчике лежит моток тонкой проволоки – сходила за ним. Примотала к листьям головку цветка. Получилось не очень красиво...

Она долго смотрела на свой самодельный цветок. Отложила его и взялась делать новый. Обмотала проволоку зеленой полоской, приготовила стебелек. Выстригла несколько желтых кружочков, проколола в них дырочки и надрезала по краям, постаралась немного завить лепестки. Из конфетной обертки получилась круглая цветочная сердцевина, к ней добавились зеленые листья с мелкими зубчиками по краям... Старуха скрепила нитками свой новый цветок и улыбнулась: это была настоящая желтая астра.

Скоро у Таисьи Макаровны было уже несколько желтых и белых астр, три одуванчика и один красный мак. Она принесла из кухни стакан и собрала в нем небольшой разноцветный букет.

* * *

Первым домой прибежал Дениска. Он не сразу увидел цветы, а когда заметил их, взял в руки стакан и долго разглядывал букет, осторожно трогал пальцами, даже понюхал. Старуха обрадовалась и предложила внуку:

– Давай мы с тобой еще сделаем цветочков? А мама с работы придет, и мы ей подарим.

– Ага, – сказал мальчик. – Только надо сирень! Я знаю, какая она.

– Ну, сирень-то у нас, поди, не получится. Давай лучше розочку сделаем. Или ромашку. Где у нас вторые ножницы?..

Дениска сидит рядом с бабушкой, смотрит внимательно.

– Вот, гляди, – показывает она. – Видишь, как надо?

Таисья Макаровна действует неторопливо, чтобы внук поспевал за ней. Ножницы у нее в руках выстригают цветные бумажные лоскутки. Потом лоскутки в морщинистых пальцах шевелятся, соединяются и раздвигаются, нитка с мягким хрустом вьется вокруг стебелька... Бабушка наклоняет голову, придвигает стакан и опускает в него новый цветок. Поправляет его, разглядывает, улыбается.

– Дениска, у тебя больше нету зеленой бумажки?

* * *

Вернулась из школы Аленка. Постояла возле стола, посмотрела, чем занимаются братец и бабушка. Наверное, ей стало завидно, она хмыкнула и произнесла такой приговор:

– Это бумажные. Они неживые.

– Ну так и что же, бумажные? – отозвалась Таисья Макаровна. – Зато они зимой расцвели у нас. Теперь нам зима не страшна. Ты глянь, какую Денис ромашку придумал! Прямо как настоящая.

– И совсем не похоже, – возразила Аленка. – Я-то могу и получше.

– А ну-ка! – Таисья Макаровна подала внучке ножницы.

Аленка успела прибавить к букету две ромашки, и тут послышался в прихожей голос Нины Петровны:

– Ну и погода сегодня! Такой ветер, просто кошмар!

– Беги, милый, встречай маму-то, – шепнула Дениске старуха и подала ему стакан с букетом. А сама притянула к себе Аленку, обняла ее и прислушалась.

– Ах ты мой хороший! – воскликнула Нина Петровна, принимая от сына подарок. – Дайка я тебя поцелую... Ты сам это сделал?

– Нет, мы с бабушкой! И Аленка нам помогала.

– Ну, молодцы-то какие. Спасибо... – Нина Петровна появилась в дверях и повторила уже для свекрови. – Спасибо, Таисья Макаровна. Вот уж какое спасибо, я просто не знаю что и сказать.

Старуха улыбнулась невестке, в глазах у нее защипало. Она подумала, что теперь будет знать свою роль в этом доме: делать цветы, приносящие радость.

* * *

Назавтра Федор Васильевич выполнил просьбу матери, купил в «Детском мире» несколько пачек цветной бумаги. Ему тоже хотелось, чтобы мать не скучала одна целыми днями, а занималась нетрудной работой, которая всем по душе.

Старуха, счастливая от собственной пользы, за несколько дней украсила квартиру цветами. Теперь у нее получались даже пионы и гладиолусы. Цветов стало много, и старуха вспомнила о Надежде Самойловой с девятого этажа, отнесла ей самый лучший букет... Потом еще несколько раз она поднималась к ним в гости. Но не задерживалась, всегда успевала вернуться домой до прихода невестки и сына.

Но однажды так получилось, что она не успела...

В пять часов, как обычно, она вынесла мусор к машине, а когда возвращалась, встретила возле подъезда с Надеждой и маленькой Ольгой – случайно, как в первый раз. Ольга обрадовалась, позвала бабу Тасю в гости, и старуха даже домой не зашла, прямо в пальто и с ведром поднялась с ними в лифте на девятый этаж.

Надежда Самойлова уже привыкла к доброй старухе. В этот вечер она по-женски доверилась ей и рассказала свою невеселую историю. Таисья Макаровна постаралась утешить молодую соседку. Она засиделась в гостях допоздна.

7.

В почтовом ящике лежал одинокий конверт. Федор Васильевич взял его, поглядел. Почерк был незнакомый, и он не сразу понял, что это письмо из деревни, от Петра Филипповича Буряка. Ну правильно, вот же написано: «Зозуле Таисье М.» Он снял перчатку, надорвал конверт, извлек письмо, адресованное матери: все равно ведь она сама прочесть его не сумеет. Федор Васильевич пошел не спеша вверх по лестнице, чтобы успеть до восьмого этажа закончить чтение.

Письмо было большое, подробное. Петр Филиппович пересказывал бывшей соседке деревенские новости, и даже поведал, как поживает коза, принадлежавшая когда-то покойнице Варваре Дудиной, перешедшая затем к старухе, а теперь зимующая вместе с коровой Петра Филипповича в скотском сарайчике. «Я ваши цветы прибрал, взял из них семена, весной посею у вас возле дома. И в огороде посажу что-нибудь, зачем он будет пустой, это не по-хозяйски. Если вы до нас обратно приедете, то уже будет у вас и картошка, и лук, и капуста, помидоры и укроп с огурцами, я чего себе посажу, то и для вас. Вы скучаете в городе, мы уже старики. Приезжайте, никто не осудит...»

«Чудак человек, – подумал о нем Федор Васильевич. – Зачем же она обратно поедет? Ей и с нами теперь хорошо».

Он отпер дверь своим ключом, вошел домой и сразу же громко позвал, чтобы обрадовать:

- Мама, идите сюда! Вам сюрприз!
- Бабушки дома нет! – крикнула из комнаты Аленка.
- Что значит нет? А где она?
- Я не знаю, у мамы спроси!

Нина Петровна вышла из кухни.

– Ума не приложу, – развела она руками. – Я-то сама пришла только что. Алена говорит, что уже давно дома сидит, а бабушки не было и до сих пор нет... Что это у тебя? Письмо? От кого?

Федор Васильевич глянул на вешалку, пошевелил висящую одежду и не нашел того, что искал: пальто матери. Он встревожился, протянул письмо:

- Слушай... ну-ка прочти. Не нравятся мне эти дела.

Нина Петровна прочла, ахнула и посмотрела на мужа округлившимися глазами. Он сказал озабоченно:

- Сходи, глянь, вещи на месте?

Вещи были на месте. Нина Петровна медленным шагом возвратилась из старухиной комнаты в прихожую и проговорила с недоумением:

- Что же она, без вещей умотала? А деньги на билет? У нее разве были?

- Не знаю. Может, и были.

- Ой, Федя... что делать? Беги на вокзал!

– Ерунда какая-то, – сказал Федор Васильевич, надевая шапку и застегивая пуговицы на пальто. – Неужели она и правда сбежала от нас?

– Как девчонка несмышленная, честное слово! Я знала, я чувствовала... Слушай, а может позвонить? На вокзале всегда милиционер дежурит, ее быстро найдут.

- Да не выдумывай! Кто будет искать?.. А если поезд уже ушел?

– Ой, не знаю... – прошептала Нина Петровна. – Ну и бабуля у нас... вот ведь какая, а? Да что ты стоишь-то? Ну!

Федор Васильевич вышел за дверь и, не дожидаясь лифта, побежал вниз по лестнице.

Нина Петровна крикнула ему вдогонку:

- Такси возьми!

Она постояла в прихожей, покусала губу. Прошла в кухню, опустилась на табуретку.

- Мама, – подошла к ней Аленка. – Почему бабушка от нас уехала?

- Ты-то хоть помолчи! – прикрикнула мать на нее. – Тебя не касается!

Федор Васильевич домчался в такси до вокзала, протолкался без очереди к окошечку справочного бюро и узнал, что скорый поезд Москва-Хабаровск стоит на третьем пути, отправление через пятнадцать минут. Стараясь не очень спешить, Федор Васильевич дважды, в ту и в другую сторону, прошел через все вагоны, вышел из поезда на людный перрон, закурил папиросу.

– Поберегись! – крикнул носильщик и прокатил мимо него тележку, наполненную чемоданами.

* * *

Таисья Макаровна попрощалась с Надеждой Самойловой, обещала зайти еще завтра. Она спустилась по лестнице и, стараясь не зашуметь пустым ведром из-под мусора, проскользнула в квартиру.

– Вы где пропадали! – закричала, увидев ее, Нина Петровна. – Вы что, на помойку ходили?

– Нет, не ходила... – растерялась Таисья Макаровна от такой встречи. – Я тут, у соседки была.

- У какой соседки? Вы что?
- Да у Нади-то, у Самойловой. Посидели с ней.
- Ну ты подумай! – возмутилась Нина Петровна. – Вот уж подружку себе нашли, поздравляю!
- Да она ведь хорошая, Надя-то. Зря ты так на нее говоришь.
- Как вам только не стыдно! – еще громче сказала невестка. – Федя на вокзал побежал вас искать!
- Почему на вокзал? – удивилась старуха.
- А кто же вас знает! Может, вам что-нибудь не понравилось, и вы сбежали от нас. И даже не попрощались.
- Зачем же я буду прощаться? Я и не думала...
- Вот Федя придет, вы ему объясните! Он там носится где-то, разыскивает вас. А она сидит себе, с этой лахудрой беседует. Нехорошо, Таисья Макаровна. Просто очень плохо.
- А ты, доченька, меня не стыди, – тихо сказала старуха. – Я перед вами не провинилась. Если так надо, я и правда уеду. Это ваша догадка, а не моя.
- Да что ж такое! – всплеснула руками невестка. – Вы же сами просили, чтобы жить у нас. Ну и живите! Только надо по-человечески делать, зачем же так говорить? Никто вас не гонит!
- Да я уже вижу, – прошептала старуха.
- Она сняла молча пальто, отнесла ведро в кухню, прошла к себе в комнату и закрылась.

* * *

Федор Васильевич вернулся домой поздно вечером. Он был выпивши, но жена ничего ему не сказала на это, а только предложила не трогать старуху, пусть она успокоится, и лучше никогда не напоминать ей о том, что случилось сегодня.

- Я ее уже отругала как следует. Хватит с нее.
- Где письмо? – спросил Федор Васильевич.
- Зачем тебе? Что ты хочешь с ним делать?
- Ничего не хочу. Ты его спрячь-ка подальше, и матери не говори. Так будет лучше.
- И он и она рассердились на Таисью Макаровну почти одинаково – это сблизило их, и когда легли ночевать, они долго не спали, перешептывались, обсуждая событие. Федор Васильевич говорил жене, что за ними здесь тоже есть грех, и немалый, а Нина Петровна отказывалась:
- Ты сам-то подумай, ну чем ей мы не угодили? Живет, горя не знает... Я уж и так и этак стараюсь, чтобы ей поспокойнее было. Разве не так?
- Так-то оно так, – соглашался Федор Васильевич. – Но все-таки ей у нас не хватает чего-то.
- Да господи, Федя! У нее же всё есть – и в тепле, и в покое. Комнату отдельную освободили ей... Чего еще надо старухе-то?
- Да как же ты не понимаешь? Ей хочется в нашей жизни участвовать, а не просто так. Она мне однажды сказала об этом... Вот бы ей дело какое найти. А то кроме помойного ведра у нее никакого занятия нет, смешно даже.
- Ну вот еще цветы она свои лепит, тоже работа, – неуверенно предположила Нина Петровна.
- При чем тут цветы? Надо как-нибудь сделать, чтобы она у нас была не лишняя в доме. Я не знаю...
- Ой, Феденька, слушай... придумала!
- Что ты придумала?

– Да вот эти цветочки-то... У нашей одной продавщицы мать точно таким же делом занимается. И не просто для удовольствия, а по заказу! Она их делает, цветочки, а потом сдает, и ей даже деньги платят за это. Деньги не ахти какие, но все-таки... ведь не в этом же дело, правда?

– А куда она сдает их?

– Да есть тут одна контора... Мы давай вот что. Я завтра все разую, посоветуюсь с этой продавщицей, спрошу у ней, как и что. И тогда уж тебе расскажу, ладно?... А теперь давай спать.

8.

Всюду были цветы. В хрустальных вазочках и тонких стаканах, на столе и серванте, в большой комнате и в супружеской спальне. Даже к шторам приколоты несколько хризантем. Старуха бродила по квартире, подолгу разглядывала яркие сухие букеты, и за два дня не прибавила к ним ни цветочка. Сын и невестка стали ласковы и внимательны, заговаривали с ней, задавали вопросы, но старуха отмалчивалась.

На третий день, когда она уже пообедала, в дверь позвонили.

– Здесь живет Зозуля Таисья Макаровна? – спросила улыбающаяся приветливая женщина, держащая в одной руке объемистый саквояж, а в другой книжечку с записанным адресом.

– Это я, – сказала старуха.

– Здравствуйте, очень приятно! – женщина решительно посторонила Таисью Макаровну и вошла.

– Вам, наверное, Федор Васильевич нужен или Нина Петровна? Так они на работе и не скоро придут, – торопливо проговорила старуха.

– Да зачем они мне? – засмеялась нежданная гостья. – Ведь это ваши изделия? – она указала на бумажный букет, украшающий тумбочку с зеркалом.

– Это? – удивилась Таисья Макаровна. – Да, это мои.

– Ну вот! Значит, все правильно! – женщина резким движением расстегнула «молнии» своих зимних сапог, сбросила их и осталась в чулках. – Ну, что же мы стоим здесь? Ведите меня, показывайте вашу работу. И будем оформлять соглашение. – Она подхватила саквояж и проследовала за Таисьей Макаровой в комнату, не снимая пальто.

– Замечательно! Просто чудесно! – высказалась она, быстрым взглядом окинув многочисленные цветы, украшающие богатую мебель. – Как раз то что нам нужно!

Она села к столу, открыла саквояж, извлекла пачку бланков. Приготовила авторучку, посмотрела на старуху с улыбкой.

– Ну что, Таисья Макаровна? Значит, будем сотрудничать? – И стала быстро заполнять бланк, приговаривая: – Ваши изделия очень красивые, оригинальные, они пойдут у нас по первой категории. Только я вам советую в будущем ограничиться одним наименованием. – Она огляделась по сторонам. – Ну, вот хотя бы эти хризантемы... Приспособитесь, набьете руку, и они у вас хорошо пойдут, как с конвейера. Инструменты, материалы – это все мы вам предоставим, я через пару дней занесу. Работу вашу будем оплачивать сдельно, сколько цветочков, столько пяточков, хризантемы по гривеннику... О, да у вас и гладиолусы есть? Ну, с вашим умением вы у нас будете хорошо зарабатывать!

– Да я не понимаю, – сказала старуха. – Вы что, будете их покупать у меня, цветки эти?

– Ну... да, – ответила женщина. – То есть не покупать, а принимать вашу продукцию. Раз в неделю... Да вы не сомневайтесь, у нас много надомниц оформлено, никто не жалуется. Каждый понедельник я всех обхожу, принимаю изделия и оплачиваю сразу на месте. Ведь это удобно же, правда? Не выходя из дома будете получать определенную сумму, еженедельно.

У нас некоторые и по двадцать, и по двадцать пять рублей зарабатывают. Если хотите, могу прямо сейчас принять у вас то, что готово.

– Не знаю я, – старуха пожала плечами. – Да вы из какой организации?

Женщина посмотрела на нее с недоумением.

– Бытовой комбинат. Цех ритуальных принадлежностей. Вас разве не предупредили?

– Ничего не сказали... Я прямо не знаю, что и делать... Вы эти цветки-то куда потом? Это какие же принадлежности? Для покойников, что ли?

– Нет, не только, – гостя уже подозрительно разглядывала Таисью Макаровну и говорила неуверенно, без прежней заинтересованности. – У нас продукция разнообразная. И венок надмогильный идет, и свадебные украшения, еще театральные заказы бывают, бутафория и антураж... Конечно, в основном-то мы оформляем ритуал погребения, этой работы больше всего. Вот как раз хризантемы ваши тут были бы очень... Да что вас смущает? Вы не согласны? Отказываетесь?

Таисья Макаровна отвернулась, посмотрела на свои одуванчики и ромашки. Она представила, как чужие руки будут составлять из этих цветов похоронный венок. Подбородок ее задрожал.

– Нет, – сказала она. – Вы извините меня, я... не буду.

– Ну вот, интересное дело! – обиделась гостя.

Она с раздражением затолкала в саквояж бумагу и авторучку, щелкнула замком. – Что же вы голову людям морочите? Только зря время потратила с вами! Звонят, приглашают, потом отказываются.

– Да я не звонила вам, что вы! – удивилась Таисья Макаровна.

– Ну, не знаю. – Женщина поднялась и ушла в прихожую обуваться. Там она что-то еще проворчала, задержалась у зеркала, и уже, не прощаясь, открыла наружную дверь.

– Постойте! – Таисья Макаровна торопливо приблизилась к ней. – А если все вот эти цветы я продам сейчас? Это сколько денег получится?

– Откуда я знаю! – резко ответила женщина. – Надо считать.

Старуха посмотрела на нее просительно и виновато.

– Ну, вы тогда... посчитайте, пожалуйста. И возьмите их все.

Женщина хмыкнула, захлопнула дверь.

– Так бы сразу и говорили! Давайте, несите. Только быстро, у меня еще семь адресов. – Она водрузила на тумбочку саквояж, распахнула его. – Сыпьте сюда!

– Сейчас, милая, – старуха засуетилась. – Я мигом, я не задержу...

Бумажные цветы, шурша и сминаясь, один за другим исчезали внутри саквояжа. Женщина молча следила за ними и считала количество. Последнюю астру Таисья Макаровна задержала в руке ненадолго, с тяжким вздохом опустила ее в саквояж. Теперь это уже не цветы, а ритуальные принадлежности, и старуха тоскливо подумала об их незавидной дальнейшей судьбе, словно это были живые и близкие ей существа.

Женщина отсчитала несколько бумажных купюр, добавила звонкой мелочи и протянула старухе небольшой серый листок.

– Вот здесь распишитесь.

– Ой... да может, не надо?

– Что значит не надо? – рассердилась работница. – Это квитанция! С меня же потом в бухгалтерии спросят, как вы думаете?

Старуха послушно взяла авторучку, начертила в квитанции крестик.

– Еще и неграмотная, – пробурчала женщина. Она глянула в зеркало, поправила на голове мохнатую шапку, открыла дверь и оглянулась к Таисье Макаровне.

– Зря вы от хорошего дела отказываетесь. Если что, звоните по тому же телефону. Подумайте хорошенько.

– Я подумаю, – покорно сказала старуха, чтобы еще больше ее не обидеть.

* * *

Она пересчитала свою небогатую выручку. Денег оказалось тринадцать рублей и девяносто копеек. Еще двадцать пять рублей у нее были отложены и хранились в шкафу под одеждой, завернутые в газетный обрывок.

Она собралась. Всего багажа получился один большой узел и обувная коробка, в которой прежде хранились цветная бумага, ножницы, нитки и тряпочные лоскутки, все это старуха оставила на столе, может быть ребятишкам еще пригодится. Она взяла себе в дорогу кусок колбасы, хлеб с маслом и луковицу. В последний раз обошла всю квартиру, оделась в прихожей и не забыла присесть на минутку, соблюдая обычай.

Присела – и вспомнила о Надежде. Еще не было и четырех, Надя Самойлова, должно быть, не вернулась домой после работы. Все же старуха поднялась на девятый этаж, позвонила в дверь и постояла, прислушиваясь... Дверь не открылась.

Таисья Макаровна мысленно простилась с Надеждой, тихим шепотом пожелала, чтобы все у них с Оленькой было хорошо и люди бы их не обижали. Она вернулась за своими вещами, оставила на тумбочке ключ, а под вешалкой тапочки, подаренные Ниной Петровной. Вышла из квартиры и решительно захлопнула дверь.

9.

В здании вокзала шумела гулкая суeta. Возле билетных касс толпились нервные люди в окружении своих чемоданов, тут же кричал чей-то младенец. Таисья Макаровна спросила у крайнего, хорошо одетого молодого человека, здесь ли ей можно купить билет на хабаровский поезд. Молодой человек ей кивнул и сказал, неожиданно улыбнувшись:

– Будем попутчики. Держитесь за мной.

Старуха обрадовалась и вправду подержала его за рукав, но тут же смутилась и неловко отпрянула, склонилась над своим узлом, будто ей надо было его передвинуть немного... Под сводами зала пробубнил голос усталой женщины, неразборчивое диспетчерское объявление. Таисья Макаровна выпрямилась с напряженным лицом – встревожилась: не опоздать бы на поезд. А если сегодня он уже уехал и следующий будет нескоро, может быть только завтра? Да и хватит ли денег на билет... Молодой человек понимающе посмотрел на нее.

– Скорый на Ленинград объявили, вы не расслышали? А наш прибывает через сорок минут, если не опоздает. Так что время есть, не волнуйтесь, успеем. Я могу взять вам билет, если хотите. А вы пока посидите вон там – видите, женщина с мальчиком? Это мои... Вы в купейном, наверно, поедете? Давайте деньги. А то вас тут затолкают.

– Спасибо тебе, сынок, – сказала Таисья Макаровна. – Да что уж ты обо мне так заботишься? Я могу и сама. Мы ведь люди чужие.

– А вас кто-нибудь провожает?

– Нет, я одна, – призналась старуха.

– Да вы не бойтесь, я не обману вас.

Таисье Макаровне стало неловко – ей больше не хотелось никого обижать, а этот парень обиделся... Она торопливо достала газетный пакетик и передала ему в руки.

– Ага, – кивнул молодой человек. – Я вам нижнюю полку спрошу. Скажу, что для матери нужно. Вы как, – он улыбнулся, – не против?

Старуха вздохнула.

– Дай бог тебе здоровья, – заговорила она, – и всего тебе самого...

– Ничего, ничего, – остановил ее молодой человек.

– Благодарить меня пока еще не за что. Вы идите к ним, посидите, а я уже скоро, тут немного народу осталось... Женщину Катериной зовут. Не стесняйтесь, она добрая, разговорчивая.

Таисья Макаровна подхватила свой узел и пошла нерешительно. Женщина, видно, давно наблюдала за ней, кивнула издали и подвинулась на вокзальном диванчике.

– Здравствуйте, – сказала Таисья Макаровна, села с ней рядом и назвала себя. – А вас Катерина звать, я уже знаю.

– Вот и хорошо, – ответила женщина. – Очень приятно.

– Слава богу, – сказала старуха. – Такие хорошие люди мне встретились, а то я одна что-нибудь не так поняла бы. Я по железной дороге-то ездила, да уж и не помню когда это было. А вы вместе поедете, всей семьей?

– Нет, – объяснила Катерина. – Мы нашего папу Сережу провожаем. Он к нам в гости приезжал, повидаться.

– Ну? – удивилась Таисья Макаровна. – Как же это так, повидаться?

– Да так, – женщина пожала плечами. – Мы тут живем, а он там. Вот и приехал. На Павлика вот поглядеть, на сынишку.

– Ну и правильно, – поддержала ее Таисья Макаровна. – Он хороший у вас, папа Сережа-то. Вон какой добрый, внимательный. Я прямо так рада, что мы с ним в одном вагоне поедем... Ты любишь папу своего? – обратилась она приветливо к мальчику. – Хороший у тебя папа, правда?

– Да, – ответил ей Павлик. – И мама хорошая.

– Вот и ладно, что так. Значит вы дружные, молодцы какие... Ничего, в жизни всяко бывает. Скоро, наверное, вместе будете жить, а как же? Зачем это – он там, а вы здесь?

– Да мы с ним в разводе, – сообщила Катерина спокойно. – Вот уж четвертый год.

– В разводе? – удивилась Таисья Макаровна. – Как же это? Да ведь я вам и не поверю.

– А что? – посмотрела ей в глаза Катерина. – Очень просто... Если желаете, мы можем паспорта предъявить, там все оформлено. Да хоть сами у него спросите, вот он идет.

– В один вагон не получилось, – сказал молодой человек виновато. – У вас денег на плацкартный только хватило... Ничего?

– Спасибо, – тихо промолвила старуха, глядя на него с печалью и сожалением.

– Да вы не огорчайтесь, – неправильно понял молодой человек причину ее настроения. – У вас место удобное, нижняя полка, и в купе, не в проходе. Вот, возьмите, четыре рубля, это вам сдача. – Он передал старухе билет и деньги, посмотрел на часы. – Уже скоро посадку объявят. Поедем... А что это вы все такие невеселые? Случилось что-нибудь, Катя?

– Да так, ничего особенного, – ответила ему Катерина. – У нас какой-то странный разговор получился.

– Какой разговор?

– Ну... я сказала, что мы с тобой давно развелись. Так уж, к слову пришлось. А она не верит, обиделась.

– Зачем обижаться? – посмотрел на старуху молодой человек. – Что же тут такого для вас обидного?

– Конечно, – сказала Таисья Макаровна. – Разве это так правильно? Ведь у вас же сын есть, и вы его любите.

– Ну и что же? – ответили ей бывшие супруги. – Мы любим нашего сына, и он любит нас. Ему хорошо. Павлик, тебе хорошо, правда?

– Да, хорошо, – с готовностью подтвердил Павлик и прижался к матери, а молодой человек положил руку на голову сына и улыбнулся.

– Как же это... – промолвила оскорбленная старушка. Она не хотела верить сейчас этим людям, которые улыбались и обманывали ее. – Как же можно... Ведь он у вас сирота!

– Ой, – засмеялась мать Павлика. – Вы не понимаете, вы не можете нас понимать.

– Сейчас другое время, – уточнил молодой человек слова своей бывшей жены. – Теперь сирот не бывает.

– Да разве можно так говорить? – упрекнула их Таисья Макаровна. – Конечно, он у вас обут и одет... Да вы сами-то как же? Ведь это у вас не семья получается. Вы несчастливые люди!

– Откуда вы знаете? – неожиданно грубо сказала ей Катерина. – Мы в разных городах живем, ну и что? Почему несчастливые? У меня уже есть новый близкий человек, а у Сергея пока еще нету, так он сказал...

– У меня тоже есть, – не смущаясь, Сергей смотрел на старуху. – У меня их даже несколько, я из них выбираю одну, и скоро выберу, если захочу.

Сердце Таисьи Макаровны, непривычное к подобным словам, оскорбилось.

– Ничего не понимаю... – сказала она.

– Вот и хорошо! – опять грубо ответила ей Катерина. – Вы и не должны этого понимать. У вас была другая жизнь, а у нас другая.

– Нет, – возразила, подумав, Таисья Макаровна. – Жизнь всегда одинаковая. Надо жить и любить друг друга, чтобы всем было хорошо. Зачем вы меня старуху обманываете?

– Господи, – произнесла Катерина утомленным и презрительным голосом. – Сережа, может быть мы пойдем на перрон? Уже скоро твой поезд.

Все трое быстро ушли от старухи, а маленький Павлик оглянулся к ней на прощание и помахал рукой в рукавичке.

Дурацкий стакан *Маловероятное происшествие*

Все шло по порядку.

Делегаты расселись по рядам, члены президиума за длинным красным столом разложили перед собой свои бумаги, музыканты сыграли гимн, и вот уже Иванов постучал по столу отчетным докладом горкома комсомола, выравнивая стопку листов, не спеша встал, вышел на трибуну, отпил глоток воды из стакана, поставил стакан на бортик трибуны и поправил микрофон.

– Товарищи делегаты! – сказал он и вздрогнул. Стакан, украшенный золотой каемкой, бесшумно сдвинулся с места, быстро съехал на край трибуны, накренился, и в его стеклянном боку блеснули огоньки огромной люстры. Полторы секунды Иванов тупо следил за ходом событий, потом сделал отчаянное движение, но было поздно. Стакан упал на ковровую дорожку между трибуной и столом президиума, глухо звякнул в тишине и весело покатился, испустив на ковер свою воду. Иванов смотрел на стакан застывшими глазами.

По залу прошел ропот... Пауза росла.

«Что делать?» – думал Иванов и не замечал, что уже произносит первые слова отчетного доклада.

«Черт с ним, со стаканом», – думал Иванов, читая доклад. «Пусть полежит», – думал он через минуту, цитируя директивный документ.

«Подумаешь, стакан упал», – думал опять Иванов, приступая к вопросу о научно-техническом творчестве молодежи.

«Тоже мне, первый секретарь, – думал в это время Леонид Максимович Водовозов, представитель горкома партии, сидевший за столом президиума почти по центру, рядом с пустующим стулом Иванова. – Тоже мне, сопляк, стакан уронил».

«Может, встать поднять?» – думала Нина Мешкова, секретарь по школам. Ее место было на самом краю длинного стола, ближе всех к лежащему на ковре стакану. Нина думала так уже минут десять и никак не могла решить, что делать. Скосив глаза, она следила за тем, как на ковре увеличивается мокрое пятно и тонкая струйка воды ползет к ребру сцены, желая стечь вниз, к делегатам. – «Хоть бы уж всю воду выпил, идиот», – думала Нина Мешкова.

Как раз в это время Иванов сказал:

– Товарищи делегаты! Городской комитет комсомола заверяет вас, делегатов двадцать пятой отчетно-выборной конференции...

Нина Мешкова быстро написала на бумажке: «Леонид Максимович! Может быть мне следует поднять упавший с трибуны стакан?»

Представитель горкома партии прочел записку, повернулся лицом к Нине Мешковой, долго и внимательно смотрел на нее поверх тяжелых очков, недвусмысленно сдвинув брови... Нина покраснела.

И вот уже целый час стоял на трибуне Иванов, а Нина Мешкова с красным лицом сидела на своем месте и не шевелилась.

«Чего он брови-то хмурил? – думала Нина. – Старый хрыч. Чтобы подняла или чтобы не поднимала? Черт меня дернул записку писать. Что мне, больше всех надо?»

«Ну ладно, ладно, – думал Иванов, читая доклад. – Чего зря психовать? Подумаешь, стакан упал. В прошлом году на пленуме один делегат вообще со сцены грохнулся. Зацепился ботинком за ковер, с кем не бывает. А тут стакан какой-то дурацкий. И зачем его на трибуну поставили? Я и пить-то не хотел. Так, для солидности только...»

– И сегодня, – говорил Иванов в это время с трибуны, – мы должны со всей строгостью и объективностью...

«Труба...» – думал второй секретарь горкома комсомола Витя Ягельников. «Ну, хана...» – думал он и рисовал на бумажке зловещие знаки. Изредка Витя поглядывал вправо, на Леонида Максимовича. Представитель горкома партии то расправлял, то нахмурил густые брови. Вот он медленно повернул голову, посмотрел влево, и тотчас же к нему наискось, через пустующее место Иванова, протянулся Сухошеев из крайкома комсомола. Леонид Максимович что-то сказал Сухошееву, тот выпрямился и быстро-быстро закивал, глядя на Леонида Максимовича круглыми глазами, потом открыл записную книжечку и что-то записал. «Труба...» – подумал Витя Ягельников.

Когда Иванов начал читать последнюю страницу отчетного доклада, он почти совсем успокоился. Последний абзац в отчетных докладах полагается читать на взлете, оптимистическим голосом, и голос Иванова не подвел своего хозяина, зазвучал смело и высоко:

– Комсомольцы города и района отдадут все свои силы, все свои знания и энергию, чтобы достойно встретить... – Это была уже последняя строчка в докладе. – «Слава богу!» – пронеслось у Иванова в голове.

И так от этой мысли стало хорошо, так спокойно, что он забыл и про дурацкий стакан, лежащий на ковре возле трибуны, и про то, как успокаивал себя во время доклада. С легким сердцем, и даже усмехнувшись чему-то, Иванов сложил аккуратно листы, шмыгнул носом и зашагал на свое место в президиуме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.